

² Кулишер И. М. Очерки по истории таможенной политики. СПб., 1903; Таможенное дело в России, X — начало XX вв.: (Ист. очерк. Документы. Материалы). СПб., 1995; Космынин А. В. Внешнеторговая политика российского правительства во второй половине XVIII в.: (по материалам третьей Комиссии о коммерции): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1998.

³ Фирсов Н. Н. Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II: Очерки истории торговой политики. Казань, 1902; Струве П. Б. Торговая политика России. Челябинск, 2007. Печ. по изд.: СПб., 1913; Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество: (20-е — начало 60-х годов). М., 1999.

⁴ ПСЗ. Собр. 1. Т. 4. СПб., 1830. № 2541.

⁵ Козлова Н. В. Коммерц-коллегия в 20–50-х годах XVIII в. // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв.: Сб. ст. М., 1991. С. 138.

⁶ Козинцева Р. И. Выработка первого русского тарифа и его редакции // Проблемы источниковедения. Т. 10. М., 1962. С. 159–162.

⁷ Демкин А. В. Внутренняя политика Екатерины I и Верховного Тайного Совета. М., 2011. С. 169.

⁸ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 39; Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции... Т. 1, кн. 2. СПб., 1782. С. 121; Русско-британские торговые отношения в XVIII веке: Сб. документов. М., 1994. С. 14–21.

⁹ Сб. РИО. Т. 55. СПб., 1886. С. 292; Т. 63. СПб., 1888. С. 6.

¹⁰ Козинцева Р. И. От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г. // Вопросы генезиса капитализма в России: Сб. ст. Л., 1960. С. 199–200.

¹¹ Рябцев А. Л. Проект таможенного тарифа В. Н. Татищева для Астраханского порта и его судьба // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10, ч. 1. С. 155.

¹² Солонченко Е. А. Таможенная политика на юго-востоке России и ее реализация в Оренбургском крае в 1752–1868 гг. Оренбург, 2007. С. 52–54.

¹³ ПСЗ. Собр. 1. Т. 14. СПб., 1830. № 10179; Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции... С. 194, 202–203.

¹⁴ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 381. Л. 4.

¹⁵ Там же. Д. 32. Л. 49 об.; Оп. 2. Д. 195. Л. 89; Шумилов М. М. История таможенного дела и таможенной политики России. СПб., 2001. С. 56.

¹⁶ Солонченко Е. А. Таможенная политика на юго-востоке России... С. 58–59.

¹⁷ Фирсов Н. Н. Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России. С. 89–95.

¹⁸ РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 195. Л. 86–90 об.

¹⁹ Струве П. Б. Торговая политика России. С. 100–101.

Т. В. Жиброва

ЮЖНОРУССКИЕ ТАМОЖЕННЫЕ БУРМИСТРЫ В ПЕРИОД ПЕТРОВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Таможенное управление на местах на рубеже XVII–XVIII вв. претерпело ряд изменений, связанных с началом реформаторской деятельности Петра I. Введение новой должности таможенных бурмистров, реорганизация всей сложившейся таможенной и кабацкой системы, связанная с учреждением специ-

альных органов управления Коммерц- и Камер-коллегий потребовали, по всей вероятности, значительных государственных финансовых вливаний и решительных административных шагов.

Проблеме взаимоотношений государственных органов управления и местных выборных структур в исследовательской литературе традиционно уделяется закономерное внимание, так как вопросы взаимодействия общества и власти не теряют своей актуальности ни в одну историческую эпоху. В России в XVII — начале XVIII в., в период формирования абсолютизма, многие противоречия между традиционными общественными институтами и государственными формами контроля выходят на первый план. Податное население обязано было нести в пользу государства бесчисленное число разнообразных повинностей, многие из которых собирались силами местных выборных должностных лиц.

Как известно, в 1699 г. в России вводится должность таможенных бурмистров¹. Они избирались из торгового и посадского населения и подчинялись московским бурмистрам. По царскому указу была учреждена Ратуша (Бурмистерская палата), куда были переданы дела из Приказа Большой казны. Повсеместно на местах проводились выборы верных таможенных бурмистров.

На юге России таможенное управление имело ряд особенностей и характерных черт, отличающихся от центральных городов и уездов страны. Традиционно здесь таможенные сборы собирались вместе с питейными (а иногда и с другими) «деньгами», то есть административный аппарат южнорусской таможенной избы одновременно занимался организацией работы кабака (позднее кружечного двора) и выемкой корчемной продукции.

Объединение целого ряда объектов в руках одного головы могло быть связано, с одной стороны, с недостатком в провинции опытных и грамотных специалистов, а с другой, с небольшим объемом налоговых сборов на юге России².

Южнорусские таможенные бурмистры в период петровских преобразований — это, как правило, выборные управленцы, пришедшие на смену таможенным и кабацким головам. Проблема изучения темы подразумевает рассмотрение процедуры вступления новых должностных лиц в должность, определение круга их обязанностей, формы ведения отчетной документации, отношений с представителями местной власти в лице воеводы и с населением, таможенными служащими и торговцами, как местными, так и приезжими.

Как представляется, первые таможенные бурмистры практически ничем не отличались от своих предшественников — таможенных голов. В XVII столетии успешно было отработано на практике два способа организации таможенных и кабацких сборов: верный и откупной. Верные головы, в отличие от откупщиков, назначались на свою должность «по поручительству» местных жителей. Такая практика обеспечивала казне гарантии бесперебойных сборов, так как в случае ненадлежащего выполнения таможенными служащими своих обязанностей, население обязано было возместить из личных средств недостающие суммы. В отличие от верных таможенных голов откупщики обладали большими привилегиями. Например, на них нельзя было пожаловаться до истечения срока откупа. Отдав положенные денежные средства в казну, они

к тому же могли все собранные сверх того «прибыли» оставить себе. Как следует из источников, такая практика нередко приводила к всевозможным злоупотреблениям откупщиков на местах³.

К началу петровских преобразований процедура выбора таможенных должностных лиц была хорошо отработана и привычна для населения. Как и прежние таможенные головы, выборный бурмистр обязательно должен был быть уважаемым зажиточным человеком, пользующимся доверием местного населения. Однако, как и раньше, практиковалось назначение бурмистров со стороны, из соседних уездов. Выборный управленец не обязательно должен был быть грамотен. По всей видимости, этот критерий был для юга России желателен, но не обязателен. Так, например, воронежский бурмистр 1706 г. Иван Колесников грамоте обучен не был.

Хотя, по всей видимости, в глазах государства «выборная система» была предпочтительнее откупной, с началом Северной войны от нее были вынуждены снова отказаться. Стране, ведущей затяжные военные действия, требовались значительные финансовые ресурсы. Откупная система была восстановлена, причем сроки откупа увеличили с одного-двух до четырех лет. С 1700 г. повсеместно в уездах появляются постоянные дворы, отданные в частные руки и обеспечивавшие высокие прибыли государству⁴.

Первые южнорусские таможенные бурмистры, как следует из майских отписок 1699 г. из Воронежа в Разрядный приказ, должны были быть выбраны «из лучших людей», то есть, как и прежде, из числа зажиточных и уважаемых людей уезда. В «статьях, присланных из Воронежа в Розряд», в форме вопросов и ответов («под тою статьею помечено») определялся круг задач вновь выбранных должностных лиц. Так, читаем, «повелено быть в бурмистрах из гостей четверем человекам, из Гостиной сотни из лучших четверем человекам, из всех слобод и черных сотен необходимо, усмотря лучших, четверем же человекам, кому б положенныя дела можно было править». «А из тех бурмисторов быть по их же выбору лучшим людям, по одному человеку помесячно Президентом, а переменять погодно»⁵. Как следует из приведенного документа, четыре бурмистра, «лучшие люди» уезда, находились в подчинении президента, должность которого также оказывалась выборной.

Интерес для исследователя представляет социальный состав таможенных бурмистров в период преобразований первого императора России. Как удалось определить, для юга России, где посад отличался немногочисленностью, характерны свои особенности выбора «лучших людей». Среди откупщиков здесь в основном представители посадского населения и крестьяне. Социальный состав верных таможенных и кабацких голов, в отличие от центра страны, где эти должности занимали посадские люди, представлен в основном детьми боярскими. Среди выборных таможенных и кабацких голов находим также служилых людей «по прибору»: стрельцов, казаков, пушкарей и др. По всей видимости, ввиду своей немногочисленности на юге России посадское население не могло активно участвовать в процессе таможенного и питейного управления, следовательно, многие выборные должности занимали представители других социальных групп.

Сменившие прежних голов таможенные бурмистры начинали свою деятельность со сложной процедуры передачи им таможенного и кабацкого имущества, заготовленного сырья и готовой продукции, а также сбора накопившихся долгов и недоимок.

Так, 13 марта 1700 г. был издан приговор Ратуши о взыскании доимки с таможенных и кабацких голов, «которые были за выбором». В случае отказа заплатить положенные денежные суммы прежним таможенным и кабацким головам грозили правож и конфискация имущества (дворов, пожитков, промыслов, лавок). Если же средств оказалось бы недостаточно, подразумевалось, как это было принято и ранее, их «править на тех, кто их выбирали к тем сборам»⁶.

Таможенные бурмистры юга России, как и прежде, обо всех вопросах списывались с Москвой. Главным отчетным документом их деятельности становились погодные именные росписи, по сути представлявшие собой прежние таможенные книги, которые с деньгами присылались в Бурмистерскую палату в Москву. Приведем в пример книгу таможенных сборов по Воронежу 1706 г.⁷ В декабре 1707 г. воронежский бурмистр Иван Колесников представил ее в Москве, о чем на первом листе стоит помета «принять и счесть».

В отличие от более ранних подобных документов воронежских голов таможенная книга 1706 г. характеризуется наличием сквозной нумерации. Бурмистр указывал точное количество собранных пошлин и суммы затрат на воск и на работы в конце каждого месяца. Обращает на себя внимание четкая структура документа. Дата предъявления товара, его владелец с указанием места жительства и фамилии, наименование товара — все это дается по абзацам, на полях стоит помета о дате уплаты пошлины.

Помимо таможенных книг южнорусские бурмистры вели расходные записи. Денежные средства могли, как и прежде, выделяться на самые разнообразные нужды. Это и донские отпуска (так, читаем, что 17 февраля 1699 г. в Воронеже снова проводилась заготовка вина и водки для донского отпуска; воронежским воеводам было «велено на государев... обиход на Воронеже дворцового подрядного вина в донской отпуск высидеть 50 ведер водки, 800 ведер вина двойного⁸, и для готовности той водки и вина послан на Воронеж Сытного дворца стряпчий Прокофий Зверев, а на сиденье той водки дрова и уголья иметь ему у вас сколько понадобится»⁹), и расходы, связанные со строительством флота.

Приведем в пример сведения из расходных книг винного целовальника Дмитриевской сотни Ивана Андреева, которые содержат сведения о выдаче денег и вина «на корабли», подьячим, «парусному делу», «шлюпочному делу», «для утирки» разнообразных металлических конструкций и деталей, с указанием сколько «на то водочное курение пошло розмарину и анису»¹⁰.

Отдельно следует рассмотреть, как менялись отношения южнорусских бурмистров с воеводами, так как, судя по всему, реорганизация всей системы таможенного управления на местах была вызвана в том числе проблемой частных злоупотреблений воевод на местах и их вмешательства в работу таможенных изб. Известно, что хотя с 1676 г. таможи и кружечные двory были офи-

циально изъяты из-под ведомства воевод¹¹, тем не менее, они по-прежнему могли вмешиваться в процесс сбора таможенных и питейных доходов.

Прерогативы воевод по наказам были достаточно широкими. Им поручалось следить за порядком в таможенной избе и на кабаке (кружечном дворе), оберегать целовальников от «насилъства», бороться с корчемством и контрабандой, следить за своевременной отправкой денежных средств и таможенных и кабацких книг в Москву. Приведем в пример отписку воронежского воеводы М. Вельяминова в 1636 г. в Разрядный приказ: «Да и сам я, холоп твой, над головою и целовальниками надсматривал почто, что б они денежные доходы собирали вправду против уставные грамоты с великим радением безо всякие хитрости и от сбора никауда не отходили и не езжали, чтоб таможенную пошину и кабацкую прибыль собирать перед прежним с прибавкою»¹².

Практически неограниченная власть местной администрации в лице воеводы на местах приводила к многочисленным злоупотреблениям. Таможенные и кабацкие сборы представляли собой довольно большие денежные средства, которые находились здесь же, рядом с воеводой, и последнему было непросто удержаться от соблазна присвоить часть денежных сумм. Во второй половине XVII столетия отношения голов с воеводами в присылаемых из Москвы грамотах оговаривались следующим образом: «А будет к нему для таможенных и кабацких денег учет присылать по государевым грамотам... воевода памяти за своею рукою, и голове по тем памятем кабацкие и таможенные деньги давати и писать в книги имянно, а без государевых грамот воеводе ни на какие розходы денег и питья не давать»¹³.

Начало реформаторской деятельности Петра I связано с изданием в 1699 г. законодательного акта, который касался взаимоотношений таможенных служителей и местного населения: «в города и села и волости, в которых те сборы бывают, чтоб послать из приказов, где они были ведомы, его великого государя указы к земским старостам, чтоб в положенном на бурмистров деле земские старосты и мирские люди были послушны». Ниже подтверждался принятый ранее пункт об изменении полномочий воевод: «в городах у таможенных и у кабацких и у всяких денежных сборов быть бурмистрам, а судом и росправою их воеводам не ведать, а ведать бурмистрам, и о том в города к воеводам посланы две грамоты»¹⁴.

Таким образом, институт южнорусских таможенных бурмистров в период петровских преобразований как вновь созданный институт власти на местах во многом опирался на прочные и оправдавшие себя выборные традиции, а также давно сложившуюся практику письменного контроля в виде таможенных и расходных книг.

Изучение истории таможенного управления на рубеже XVII–XVIII вв. на юге России, которое переживало стадию переходного периода, характеризующегося постепенным отказом от полной прерогативы власти на местах в лице воевод и созданием нового штата таможенных служителей — бурмистров, чьи действия должны были быть подотчетны только Москве, было бы неполным без привлечения широкого круга материалов, от выборных документов до таможенных книг. Процедура вступления новых должностных лиц в должность,

определение круга их обязанностей, формы ведения отчетной документации, отношения с администрацией и местным населением, возвращение к откупной системе — все эти вопросы еще недостаточно освещены в научной литературе и, несомненно, ждут своего исследователя.

Примечания

¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 3. СПб., 1830. С. 598–600.

² *Жиброва Т. В.* Организация таможенного управления на юге России на рубеже XVII–XVIII веков (на примере Воронежского уезда) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 1. С. 65–66.

³ *Жиброва Т. В.* Таможенное управление в Воронежском уезде на рубеже XVII–XVIII вв. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сб. материалов Третьей междунар. науч. конф. (г. Коломна, 24–26 сент. 2013 г.). Т. 1. Коломна, 2015. С. 72–80.

⁴ *Жиброва Т. В.* Таможенное и питейное управление на местах в XVII — начале XVIII вв. (на примере материалов юга России) // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. № 4 (8). С. 10–16.

⁵ ПСЗ. Собр. 1. Т. 3. С. 614.

⁶ Там же. Т. 4. СПб., 1830. С. 20.

⁷ ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 64. Л. 1–212.

⁸ Двойным вином называли напиток, который перегонялся дважды для усиления его крепости.

⁹ ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 7. Д. 47. Л. 1–2.

¹⁰ Там же. Ф. И-171. Оп. 3. Д. 5. Л. 1–10

¹¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 2. СПб., 1830. С. 34–35.

¹² ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 1. Д. 62. Л. 1–3.

¹³ Там же. Ф. И-287. Оп. 4. Д. 5. Л. 1.

¹⁴ ПСЗ. Собр. 1. Т. 3. С. 614.

Н. В. Козлова

СЛУЖИТЕЛИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПОРТОВОЙ ТАМОЖНИ В 20–30-х гг. XVIII в.

Начиная с петровского времени и вплоть до 60-х гг. XVIII в. ведущим направлением экономической политики правительства являлась внешняя торговля. Согласно господствовавшим в то время идеям меркантилизма развитая внешняя торговля с активным торговым балансом рассматривалась в качестве главного средства пополнения казны, а, следовательно, и государственного благосостояния. Одним из инструментов осуществления этой цели стала Коммерц-коллегия, созданная в 1718 г. Задача поиска средств увеличения государственных сборов и прибылей была прямо сформулирована в регламенте Коммерц-коллегии 1724 г. Особое внимание коллегии было обращено на работу